УДК 78.01 + 37.034

И.А.Кудинова

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА ТИШИНЫ / БЕЗМОЛВИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ М.К.ЧЮРЛЕНИСА

Исследуется особая область Чюрленисовского творчества — метафизическая поэтика. Выявляется однокоренная близость слов «тишина», «тишь», «безмолвие» (tyla, tyluma, tylėjimas) в архаичном литовском языке и их семантическое родство. В процессе анализа автор пытается выделить индивидуальные живописные и музыкальные художественные средства, которыми пользуется литовский композитор и художник для раскрытия символики тишины, безмолвия, покоя. В работе осуществлена попытка поиска смысла и цели метафизической поэтики фортепианной прелюдии d-moll, на основе анализа и выявления родства как с литовским фольклором, несущим в себе черты высокой антики, духовности, религиозности, торжественности, так и с ритмической поступью и интонациями древних русских и греческих распевов. Тональность, фактура, ритмика, интонации, имитации органного звучания и другие компоненты прелюдии являются универсальными средствами, обнаруживающими интенцию композитора в создании состояния контемпляции и передачи образов sacrum. Анализ картин Чюрлениса «Христос», «Тишина» выявляет семантику тишины и безмолвия через статику, динамику, минимализм рисунка, идеальную форму, монохромность, отсутствие событий. Стремления художника к поэтическим архипелагам тишины — условия видения и ведения истинных ценностей бытия, единого объединяющего все вещи и явления абсолютного смысла.

Ключевые слова: тишина, безмолвие, фортепианная прелюдия, «Христос», «Тишина», образы sacrum

Я родился в далекой стране,
Чье приволье не знает теней,
Лишь неясную память во мне,
Сохранило изгнанье о ней…
(Ю.Балтрушайтис)

В Литве, к столетию смерти великого композитора, художника, поэта, публициста Микалоюса Константинаса Чюрлениса опубликована новая монография, посвященная его творчеству под названием «М.К.Чюрленис: его время и наше время» [1]. В новом издании представлены статьи исследователей разных стран: Литвы, Эстонии, России, Финляндии, Дании, Польши, Германии, Англии. Творческое наследие М.К.Чюрлениса по влиянию и его роли значимо не только в литовской культуре. Оно, по — выражению М.В.Добужинского, «шагнуло за узкий круг национального искусства» [2] и остается волнующим и притягательным для многих мыслителей и ученых, как в Литве, так и в других странах.

Авторы указанной книги в ее предисловии подчеркивают, что тайны и мысли чюрленисовского гения еще не до конца прочитаны и раскрыты. Действительно, наше познание, будь то явление природы или художественного творения, никогда не бывает завершенным. Но, каждый направленный взор на явление — потенциальная предпосылка приоткрытия еще одной странички неизвестного. Целостное видение мира чюрленисовского творчества будет моделироваться постепенно с каждой новой исследовательской работой, с каждым новым проникновением в живописные образы и звучащие смыслы его музыкального творчества.

Метафизическая поэтика — особая черта творчества Чюрлениса. Метафизика — наука о том, что опережает границы человеческого опыта и раскрывает то, что прячется под покровом вещей и явлений [3]. Метафизическая лирика Чюрлениса связана с философичностью творчества, которое поднимает вопросы смысла бытия, с одной стороны. С другой — религиозной тональностью, определяющей стремление художника к «тайной грани» и вопросам над-бытия. Выражению такой поэтики служат сюжеты и названия некоторых картин, связанные с тишиной, безмолвием, покоем: «Христос», «Христос в оливковой роще», «Покой», «Тишина», «Andante» из цикла «Соната моря», живописные ноктюрны и музыкальные произведения. На инаковость чюрленисовской поэтики, направленность взора «за круг земной» обратили внимание В.Иванов, Б.Леман, С.Ила (S.Yla), А.Андрияускас (A.Andrijauskas), С.Шимайтис (S.Šimaitis) и другие исследователи.

С.Ила в монографии, посвященной глубокому анализу жизни и творчества Чюрлениса, цитировал его слова: «Куда исчезают слова, когда начинается человек?» [4]. Возможно, мысль художника наводит на размышления о том, что звуки, произношение слов, тем более шум, могут нарушить статус и понимание истинных смыслов бытия: целостности самого человека, гармонии между человеком и универсумом, целостности между смыслом и образом жизни. Изречение М.К.Чюрлениса о явлении исчезновения слов дает повод задуматься над настоящим предназначением искусства.

Чюрленис в письме к своему другу Е.Моравскому писал: « Спать не хочется, и работать не могу. Немцы спят уже давно. Тихо, ничто не шевелится. Только в лампе что-то жужжит, да скрипит перо по бумаге. Где-то вдалеке слышен извозчик. Все тише, тише. Совсем затих. Люблю тишину» [5]. Для М.К.Чюрлениса тишина — это возможность одиночества и ухода от суеты, сторож души; обитель тишины — появление начала мысли, слова, музыки, молитвы, вдохновения. Можно сказать, что тишина — благословенное время для принятия милости (вхождения в милость) от начала сотворения человека и его мира.

О родстве семантического комплекса слов «тишина», «тишь», «безмолвие» (tyla, tyluma, tylėjimas) как будто свидетельствует сам архаичный литовский язык. Они — однокоренные слова. Безмолвие связано с божественным, с человеческим молчанием, неговорением, а тишина, беззвучие — составляющие среды обитания, природы, вселенной.

Концепт тишины в живописи М.К.Чюрлениса передается символикой, формой, статикой, пространством незаполненным рисунком и колористикой. В музыке тишина и безмолвие часто передаются ферматами, паузами. Пауза (знак молчания, перерыв в звучании) обретает различную семантическую нагрузку. В одной музыкальной ткани паузы наполняются ассоциативными образами, символикой смерти, ухода, исчезновения, страха, оцепенения. В других произведениях — служат отражением размышления, благоговейного молчания, внутренней молитвы, поклона, «незвучащей тайны» Духа.

Но возможна передача тишины звучанием, так как любое явление жизни в музыкальном произведении не копируется фактически, а проектируется на осознание слушателя [6]. Например, равномерное движение голоса в музыке может отображать шаги. Такое движение скорее, чем человеческий шаг. Таким образом, И.С.Бах живописует шествие процессии на Голгофу в «Страстях». Тишина, безмолвие и покой могут воплощаться темой, особенной фактурой, звуковой аллегорией. В других произведениях — «истаивающей гармонией», одиноко повторяющимися звуками, динамической нюансировкой, лигатурой одной ноты или аккорда и другими средствами.

Среди нотных изданий чюрленисовских произведений есть редко встречающаяся прелюдия d-moll. Она опубликована в сборнике «Jaunasis pianistas» (Юный пианист), составленном В.Кракаускайте (V.Krakauskaitė) [7]. Само по себе число тактов в прелюдии (12) символично и сообщает о том, что она, словно закодирована на пропорцию по форме.

Фортепианная миниатюра Чюрлениса имеет хоральное изложение. Полифония была естественным языком музыкального выражения для композитора и художника в его полотнах. Его сердце было чутким к величию «божественной фуги», отражающей не только многослойную полифонию универсума, но и многоголосие человеческой души.

Тема этой прелюдии звучит как песнь и раскрывает национальную особенность литовской музыки с ее спокойствием, серьезностью и религиозностью, о которой писала литовская писательница Мария Печкаускайте (1877—1930) [8]. Она подчеркнула, что литовец по своей природе, на все смотрит словно с духовной высоты, так сказать, *sub specie aeternitatis* [8]. Ей, национальной писательнице, как никому дано проникнуть в душу литовца.

К.Бальмонт обратил внимание на то, что «Духовность литовской песни более религиозная, торжественная, благородная. Литовский фольклор имеет черты высокой антики. Как все первоначальные проявления искусства согласует в себе тончайшие нюансы и простоту» [9]. В главной теме прелюдии Чюрлениса нет прямого цитирования литовской народной песни, как и во многих произведениях композитора, но в ней обнаруживается прямое воздействие литовских народных песен. Она интонационно близка к ним и одновременно создает аллюзию псалмодии, древнего мотета своей ритмической поступью четверными длительностями. А при детальном изучении интонаций можно обнаружить, что контуры мелодии второго и третьего такта близки к древнему распеву «Благослови, душе моя, Господа» (Псалом 103) из Всенощного бдения русской православной церкви [10]. Этот распев помечен также ремаркой, что он является и греческим распевом.

Такое родство можно обнаружить как в других произведениях литовского композитора, так и в распевах Всенощного бдения. Оно ощущается в чюрленисовских вариациях на тему народной литовской песни «Когда светлая заря поднимается» (Kai aušra šviesi pakyla).

Р.Кашпонис в своей монографии обращает внимание на параллели, и даже взаимные заимствования в мелодике литовцев и других народов — славянских, греческих. Исследователь называет их «странствующими». Характерными чертами литовской мелодики он определяет умеренность темпа, ритмическое спокойствие [11]. Из сказанного выше, можно сделать вывод о связи исторических времен, поколений и различных культурных традиций.

Основная тема рассматриваемой d-moll‘ной прелюдии Чюрлениса — искренна, отличается строгостью. В ней есть печаль. Вначале она звучит в одиноком одноголосном изложении, затем в двухголосном и, наконец, в октавном удвоении, которое имитирует звучание органной музыки. Ритмика и контур мелодии выполняют особую изобразительную функцию — «фигуры» покоя. Но не только строгий контур мелодии, ровный ритм четвертными длительностями, динамика в пределах p, pp (пиано, пианиссимо) создают впечатление тишины в музыке, но и прозрачная фактура. В фортепианной миниатюре отсутствует сложная фактурная гармония. Здесь нет виртуозных пассажей, ярких кульминаций. Она лаконична, без претензий на концертность и очевидно, поэтому вошла в сборник педагогического репертуара юных пианистов Литвы.

Медленный темп (moderato), минорная тональность, минимализм фактурного изложения, полифоническая ткань, доминирование консонансного звучания, строгая ритмическая поступь четвертными длительностями, имитация органной музыки, естественная для богослужения в католическом храме — музыкальные компоненты, обнаруживающие интенцию композитора творить состояние религиозной контемпляции. Такие средства выражения Г.Римкуте (G.Rimkutė) называет универсальными и характерными для создания композиций с религиозным содержанием, которое способствует передаче образов *sacrum* [12].

Ритмически ровное, часто гамообразное изложение мелодии — характерный прием старинных мастеров музыки, связанный со стремлением остановить время и создать молитвенное настроение. Кроме того, интересен выбор Чюрленисом основной тональности прелюдии — d-moll.

Х.Майстер дает характеристику тональностей И.Маттезона, в которой находим: «Этот тон заключает в себе нечто возвышенное и спокойное, и вместе с тем — нечто великое <...> поэтому в церковных произведениях он способствует настроению благоговейному» [13]. Такая аргументация великого ученого XVIII века помогает раскрыть творческую интенцию Чюрлениса в создании сакрального образа в прелюдии[1].

В кульминации появляются диссонансы. Диссонанс — это аккорд дисгармонии души, напряжения, выразитель внутреннего смятения, хаоса. В чюрленисовских диссонансах прелюдии нет разлада, дерзости. Они преодолеваются мажорным консонансным окружением. И звучат жалобно, печально, с сокрушением. Альтерация, мелодия, гармония прелюдии творят ощущение звучания душевной боли, вины и могут быть трактованы как внутренняя исповедь души.

В конце пьесы тает гармоническая вертикаль. Одинокими звуками в одноименном мажоре D-dur и динамикой пианиссимо (pp) композитор творит «звучащую атмосферу» ***тихо*** льющегося света.

Чюрленисовская фортепианная прелюдия — поэтический образ молитвы, в которой есть указание человеку к уединенности молитвенной тишины, в которой только и можно обрести ощущение целостности, единения с бесконечным, «начать диалог с ино-бытием» [14].

Литовская поэтесса M.Katiliūtė (Лакрима — псевдоним) опубликовала книгу под названием «Веслами вглубь» (Irtis į gilumą). Книга представляет собой 153 сонета. Своими стихами поэтесса словно ведет нас по чюрленисовской галерее живописи, как по священному храму. Почему Лакрима дает книге такое название? Возможно, уход в тишину, означает вглубь: в познание, в сущность, в постижение потаенных глубин бытия.

В этой книге сонетов находим чюрленисовскую картину «Христос», которая почти не встречается в изданиях и исследованиях о художнике. А, тем не менее, это уникальное изображение, которое можно обнаружить только в литовской народной скульптуре под названием «Христос заботливый» (Rūpintojėlis). Этот образ следует понимать как место, исходный пункт глубочайшего размышления в нераздельном единстве с чувственным переживанием человеческого бытия. Таким образом, М.К.Чюрленис раскрывает загадочный смысл «Христа заботливого»: общечеловеческий символ христианства. А.Ю.Греймас, литовец, французский ученый-семиотик, полагал, что этот образ был известен народу с давних времен, но до конца XX столетия остался тайной для европейских теоретиков семиотики.

Концепт безмолвия в картине Чюрлениса выражен в самом изображении Христа: с закрытыми глазами, с сомкнутыми губами, с жестом руки, которая поддерживает голову и одновременно сообщает о глубоком погружении Спасителя в себя, в молитву, в размышление. Картина написана в желто-коричневой гамме красок. Такой колорит естественен в национальной культуре спокойных литовцев, и сам по себе дает ощущение покоя. Еще одна особенность картины — форма изображения. Образ Христа помещен в сферу, которая с древних времен рассматривалась как совершенная. Трогательная поэзия Лакримы к этой картине М.К.Чюрлениса передает заботы Спасителя о Литве, которую поэтесса представляет как младшую дочь среди народов:

С тобой Я крестом поделился —
Святым народом желал назвать…
— Ах, отвечай! — шепчу сегодня, —
Как еще мог тебя украсить?
«Младшая доченька, Литва моя…
Какими шипами боль даруешь мне!» [15].

Одной из загадочных картин Чюрлениса является картина «Тишина» (Tyla). Первое впечатление — ощущение наивности, припоминание детства и совершенной простоты. Особенность картины — отсутствие событий, динамики. Еле заметная линия горизонта между небом и водой, мягкая линия края земли и три одуванчика с коронками белого пуха.

Ю.Мильталлер обратил внимание на связь ассоциаций с горизонтальными линиями в живописи. Согласно ему, легче воспринимаются горизонтальные линии, чем поднимающиеся и опускающиеся вертикальные. Поэтому с горизонтальным протяжением связано чувство покоя, а с вертикальным — чувство мощного стремления вверх [16]. Еле заметная линия горизонта — зона границы воды и небес — а может, место их соприкосновения (контаминации), встречи? Еще одно средство отражения тишины или покоя проявляется в том, что большие пространства картины остаются не заполненными. Это часто встречается в живописи Востока. Отсутствие границ в общем виде картины дает ощущение бесконечности, того, что картина простирается далеко, за пределы полотна. И наконец, монохромность, объединяющая все три стихии (воду, небо и землю), образно передает тонкое «звучание» и гармонию тишины, поэтически переданной в картине «поющей» трансценденцией. Желто-медовый цвет — намек на высшую тонкую реальность, до которой может подняться человек мыслящий и его душа. Справедливо суждение Д.Кирико: «Произведение искусства должно рассказывать о том, что не вмещается в его рамки. Предметы и фигуры, которые оно изображает, также должны поэтически говорить о чем-то далеком от них самих, равно как и о том, что материально скрывают от нас их очертания [17].

М.Максимович дает поэтическое определение жизни, представляя четыре степени бытия. В камне жизнь представляет собой «обмертвение, в растениях — усыплена, в животных — пробуждается; и наконец, мыслит и

осознает себя — в человеке» [18]. Согласно Х. Плеснеру, растение подчиняется закону закрытой формы. Цветок связан с питающей его землей, с конкретной местностью, и это ограничивает его жизненный круг. Он раскрывается природе, солнцу своей красотой формы, лепестками, цветом, ароматом.

Животные по отношению к своей среде достигают некоторой завершенности, и, благодаря своей единичной закрытой форме — двигаются [19]. В литовском языке есть выражение: «Что носишься как дикий...». Это означает, что животное не осознает своих спонтанных, моторных движений. Окружающий мир для него — ориентировка на практическое действие: отыскать пищу, укрыться от врага, отложить яйца и т.д. Но все предметы для него — не объекты для восприятия, а корреляты потребностей и влечений [19, с. 218]. Окружающий мир для животного остается скрытым и непостижимым. Мир человека — это внешний мир, наполненный вещами, явлениями. Его «внутренний мир — это мир в «пределах» плоти, то, что есть живое существо», а также мир его переживаний [19, с. 257]. Согласно М.Хайдеггеру, окружающий мир и человек образовали неразрывную сопряженность. Мир, наполненный вещами, осмысляется и становится его человеческим миром. И хотя мыслитель сопряженность наполняет словом, и слово трактует как один из способов видения, осмысление у него связано с ***молчанием*** [20] — ***тишиной***, как условием, при котором складывается смысл. Человек увлечен «заботой» о своем существовании, он погружен в борьбу за правоту своих интересов, нужд, стремлений, желаний и часто не может вырваться из своего эмоционального страстного состояния пребывания в мире. Литовский мыслитель А.Шлегерис подчеркивает, что человеку сложно высветить истину вещей, поскольку он утонул в стихии прагматизма, инструментализма [21]. Помимо человеческой слабости, М.Хайдеггер видит и другую причину. Он полагает, что вещи покрыты тайной, они «противятся усилиям мысли» [22]. Немецкий мыслитель обнаруживает, что только в художественном творении «истина становится событием откровения» [22, с. 127]. И это постижение для человека связано с тишиной.

Чюрленис, в силу своей философской природы и способности проницательно видеть мир чистым оком, предчувствует и прозревает бесконечность. Поэтому в его прелюдии d-moll, картинах «Христос», «Тишина», «Покой», «Жемайтийские кресты» есть зов к покою, безмолвию, к тишине «молкнущих полей». Объяснение стремления Чюрлениса к поэтическим архипелагам тишины находим в Библии, ведающей о том, что явления откровения нисходят в тишине и покое. «После ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь; после землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веяние ***тихого*** ветра, и там Господь» (3 Цар. 19, 11-12).

Своим творчеством М.К.Чюрленис, будто полагает, что мгновения тишины принесут человеку дары видения себя, путей своего совершенствования, видения и ведения истинных ценностей бытия. В картине «Тишина» одним из главных персонажей служат одуванчики с их головками идеальной формы. Эти же цветы встречаем в его других картинах: «Путешествие королевны», «Рай», в цикле «Сказка». Художник обнаруживает очертания незримого мира в совершенных формах чувственных и видимых вещей. По определению А.Шлегериса для человека «поверхность мира с его базовыми симметриями (добавим и их вариациями — *И.К.*) есть отпечаток незримых глубин» [21, с. 106] или след бесконечного. Соединяя три стихии земли, воды и неба монохромным изображением, художник пытается увязать в единое целое мир земной и небесный. Подтверждение о том, что этот вопрос волновал Чюрлениса, находим в монографии С.Ила: «М.Чюрленис искал целое в земном и божественном. Его волновал единый, всех вещей и явлений объединяющий абсолютный смысл» [4, с. 343] (перевод мой — *И.К.*). Для него божественное и земное «едины в своем склонении друг другу, сопринадлежат друг другу» [20, с. X], являются «голосами или лейтмотивами» одной симфонической партитуры.

Примечание

1. В данной статье понятия религиозной и сакральной музыки используются как синонимы.

1. Mikalojus Konstantinas Čiurlionis. Jo laikas ir mūsų laikas. Sud. G. Daunoravičienė, R.Pavilionienė. Vilnius: Lietuvos muzikos ir teatro akademija, 2013. 688 p.
2. Добужинский М. Из воспоминаний о М.Чюрленисе // М.К.Чюрленис. Время признания / Сост. С.Урбонас. Вильнюс: Кронта, 2001. С. 135.
3. Kowalczyk S. Bendroji metafizika. Vilnius: Logos, 2001. Psl. 6.
4. Yla S. M.K. Čiurlionis. Kūrėjas ir žmogus. Vilnius: Vyturys, 1992. Psl. 334.
5. Эткинд М. Мир как большая симфония. Л.: Искусство, 1970. С. 22.
6. Носина В. Символика музыки И.С.Баха. М.: КЛАССИКА-XXI, 2011. С. 14.
7. Krakaustaitė V. Jaunasis pianistas. Vilnius: Vaga, 1965. P. 61.
8. Šatrijos Ragana (Pečkauskaitė M.). Mintys apie dailę // Raštai II tomas. Vilnius: Margi raštai, 2008. C. 712.
9. Turčinavičius V. Konstantinas Balmontas — ar tik bičiulis Lietuvos // Literatūra ir menas. 2008-06-20. Psl. 22.
10. Всенощное бдение. Древние роспевы в переложении для четырехголосного смешанного хора. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви. 2003. С. 5.
11. Кашпонис Р. Мелодика и гармония литовской музыки. Вильнюс: «Мокслас». 1992. С. 8.
12. Gabija Rimkutė, Judita Žukienė. Sakralumo ženklai Olivier Messiaeno kūryboje fortepijonui: atlikimo ir klausymosi aspektai [Электр. ресурс]. URL: http://harps.lmta.lt/wp-content/uploads/2013/11/Rimkut%C4%97_%C5%BDukien%C4%97_Messiaenas.pdf (дата обращения: 03.12.2018).

13. Майстер Х. Музыкальная риторика: ключ к интерпретации произведений И.С.Баха. М.: КЛАССИКА-XXI, 2009. С. 106.
14. Выражение А.Шлегериса. Цит. по Šliogeris A. Daiktas ir menas. Du meno kūrinio ontologijos etiudai. Vilnius: Margi raštai, 2017. Psl. 73.
15. Lacrima. Irtis į gilumą. Žvilgsniai per M.K. Čiurlionio paveikslus. Vilnius: Lumen, 2002. 318 p.
16. Мильталлер Ю. Что такое красота? Введение в эстетику. М.: КомКнига, 2007. С. 67.
17. Маритен Ж. Творческая интуиция в искусстве и поэзии. М.: РОССПЕН, 2004. С. 273.
18. Максимович М. Из жизни растений // Северные цветы / Сост. Л.Фризман. М.: Наука, 1980. С. 67.
19. Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию. М.: РОССПЕН, 2004. С. 203.
20. Михайлов А. Философия проселка // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет / Пер., сост., вступ. статья А.Михайлова. М.: Гнозис, 1993. С. XXV.
21. Šliogeris A. Transcendencijos tyla. Vilnius: Margi raštai, 2011. Psl. 18-20.
22. Хайдеггер М. Вещь и творение // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993. С. 65.

References

1. Mikalojus Konstantinas Čiurlionis. Jo laikas ir mūsų laikas. Sud. G. Daunoravičienė, R.Pavilionienė. Vilnius: Lietuvos muzikos ir teatro akademija, 2013. 688 p.
2. Dobuzhinskiy M. Iz vospominaniy o M.Chyurlenise // M.K.Chyurlenis. Vremya priznaniya / Sost. S.Urbonas. Vil'nyus: Kronta, 2001. C. 135.
3. Kowalczyk S. Bendroji metafizika. Vilnius: Logos, 2001. Psl. 6.
4. Yla S. M.K. Čiurlionis. Kūrėjas ir žmogus. Vilnius: Vyturys, 1992. Psl. 334.
5. Etkind M. Mir kak bol'shaya simfoniya. L.: Iskusstvo, 1970. C. 22.
6. Nosina V. Simvolika muzyki I.S.Bakha. M.: KLASSIKA-XXI, 2011. C. 14.
7. Krakaustaitė V. Jaunasis pianistas. Vilnius: Vaga, 1965. P. 61.
8. Šatrijos Ragana (Pečkauskaitė M.). Mintys apie dailę // Raštai II tomas. Vilnius: Margi raštai, 2008. C. 712.
9. Turčinavičius V. Konstantinas Balmontas — ar tik bičiulis Lietuvos // Literatūra ir menas. 2008-06-20. Psl. 22.
10. Vsenoshchnoe bdenie. Drevnie rospevy v perelozhenii dlya chetyrekhgolosnogo smeshannogo khora. M.: Izda-tel'skiy Sovet Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. 2003. S. 5.
11. Kashponis R. Melodika i garmoniya litovskoy muzyki. Vil'nyus: «Mokslas». 1992. C. 8.
12. Gabija Rimkutė, Judita Žukienė. Sakralumo ženklai Olivier Messiaeno kūryboje fortepijonui: atlikimo ir klausymosi aspektai [Elektr. resurs]. URL: http://harps.lmta.lt/wp-content/uploads/2013/11/Rimkut%C4%97_%C5%BDukien%C4%97_Messiaenas.pdf (data obrashcheniya: 03.12.2018).
13. Mayster Kh. Muzykal'naya ritorika: klyuch k interpretatsii proizvedeniy I.S.Bakha. M.: KLASSIKA-XXI, 2009. S. 106.
14. Vyrazhenie A.Shlegerisa. Tsit. po Šliogeris A. Daiktas ir menas. Du meno kūrinio ontologijos etiudai. Vilnius: Margi raštai, 2017. Psl. 73.
15. Lacrima. Irtis į gilumą. Žvilgsniai per M.K. Čiurlionio paveikslus. Vilnius: Lumen, 2002. 318 p.
16. Mil'taller Yu. Chto takoe krasota? Vvedenie v estetiku. M.: KomKniga, 2007. C. 67.
17. Mariten Zh. Tvorcheskaya intuitsiya v iskusstve i poezii. M.: ROSSPEN, 2004. C. 273.
18. Maksimovich M. Iz zhizni rasteniy // Severnye tsvety / Sost. L.Frizman. M.: Nauka, 1980. C. 67.
19. Plesner Kh. Stupeni organicheskogo i chelovek: Vvedenie v filosofskuyu antropologiyu. M.: ROSSPEN, 2004. C. 203.
20. Mikhaylov A. Filosofiya proselka // Khaydegger M. Raboty i razmyshleniya raznykh let / Per., sost., vstup. stat'ya A.Mikhaylova. M.: Gnozis, 1993. C. XXV.
21. Šliogeris A. Transcendencijos tyla. Vilnius: Margi raštai, 2011. Psl. 18-20.
22. Khaydegger M. Veshch' i tvorenie // Khaydegger M. Raboty i razmyshleniya raznykh let. M.: Gnozis, 1993. S. 65.

Kudinova I.A. Metaphysical Poetics of Silence in M.K.Čiurlionis' Creative Pieces. The article deals with a specific field of Čiurlionis' artistic legacy, metaphysical poetics. The affinity of related words "silence", "quietness", "reticence" (in the Lithuanian language sharing the same root of the word) is revealed in the archaic Lithuanian language and their semantic affinity. In the process of analysis, the author attempts to single out individual artistic means of the fine art and music used by a Lithuanian composer and artist who aimed to reveal symbolism of silence, quietness, peace. The paper attempts to search for the sense and purpose of metaphysical poetics in the piano prelude d-moll grounding on analysis and revealing the affinity with both Lithuanian folklore embracing the features of high ancient art, spirituality, religiousness, solemnity and rhythmic pace and intonation of ancient Russian and Greek chants. Tones, facture, rhythm, intonations, imitations of organic sound and other components of the prelude appear to be universal means finding the composer's intention to create the condition of contemplation and render the images of sacrum. Analysis of Čiurlionis' pictures "Christ", "Silence" reveals the semantics of silence and quietness through static, dynamic appearance, minimalism of the picture, the ideal form, monochromatic depiction, and absence of events. The striving of the artist to reach poetical archipelagos of silence are the conditions for awareness of and maintaining the true values of existence, the only one embracing all matters and phenomena of the absolute sense.

Keywords: silence, piano prelude, "Christ", "Silence", images sacrum.

Сведения об авторе. И.А.Кудинова — доцент кафедры Музыкальной педагогики и визуальных искусств Шяуляйского университета; Шяуляйский университет (Литва) arabeska48@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 05.03.2018.